

© 2010 г.

В.И. ФРЕЙДЗОН

ВИТЕБСК – ЛИЕПАЯ. ГОДЫ ВОЙНЫ. 1943–1945

ОТ РЕДАКЦИИ

Видный историк-славист, доктор исторических наук Владимир Израилевич Фрейдзон (1922–2004), автор многочисленных работ по новой истории Хорватии, других южнославянских центральноевропейских стран, по истории национальных движений в монархии Габсбургов. Он известен также своими трудами по общим теоретико-методологическим проблемам этнологии. Работая в науке более пяти десятилетий, В.И. Фрейдзон снискал уважение коллег в России и за ее пределами не только высоким профессионализмом, но и глубокой принципиальностью, последовательностью в отстаивании своих научных убеждений, неизменно подкрепленных большой эрудицией.

В.И. Фрейдзон родился 28 апреля 1922 г. в Витебской области Белоруссии, но с четырех лет жил с родителями в Москве, где по окончании средней школы в предгрозовом 1939 г. поступил на исторический факультет Московского государственного университета (МГУ). Он успел закончить только два курса, когда началась Великая Отечественная война.

Даже в тех невероятно трудных условиях советское правительство сначала считало необходимым сохранить научные кадры, в том числе и в области гуманитарных наук. МГУ эвакуировали сначала в Ашхабад, потом в Свердловск. Студенты-историки получили отсрочку от призыва. Но в 1942 г. В.И. Фрейдзон, как и его товарищи по курсу, был призван в армию и, пройдя в артиллерийском училище за восемь месяцев курс обучения, рассчитанный на два года, осенью 1943 г. был направлен в действующую армию на 1-й Белорусский фронт.

В боях молодой лейтенант в феврале 1943 г. был тяжело ранен, лечился в госпитале, но в июне того же года возвратился на фронт, хотя имел полное право на демобилизацию. После госпиталя его направили на 1-й Прибалтийский фронт. О боевых заслугах В.И. Фрейдзона свидетельствуют его награды – орден Красной Звезды и Отечественной войны II степени. Впоследствии в 1975 г., в связи с 30-летием Победы, Фрейдзон, участвовавший в боях на территории Литвы, получил звание Почетного гражданина Акмянского района Литвы.

После демобилизации в 1945 г. В.И. Фрейдзон вернулся в МГУ на исторический факультет и специализировался на кафедре южных и западных славян. В 1952 г. защитил кандидатскую диссертацию “Положение крестьянства в Хорватии в конце XIX – начале XX века и Хорватская крестьянская партия в 1905–1914 гг.”, с 1956 по 2004 г. работал в Институте славяноведения АН СССР (с 1968 г. Институт славяноведения и балканистики АН СССР, затем РАН, ныне Институт славяноведения РАН). В 1972 г. В.И. Фрейдзон защитил докторскую диссертацию “Борьба хорватского народа за национальную свободу. Подъем освободительного движения в 1859–1873 гг. История, идеология, политические партии”.

В.И. Фрейдзон – автор многих солидных научных трудов. Он был историком не только по профессии, но и по призванию, жил и мыслил историей и беззаветно слу-

жил ей. Его заслуга как ученого слависта, специалиста по истории Австро-Венгерской империи, состоит в том, что ему удавалось отделять историческую славистику от политики и идеологии, вводить ее в контекст современных этнополитических и региональных исследований, преодолевать определявшие ее развитие советские и постсоветские мифы, штампы и стереотипы. Иными словами – быть верным призванию профессионального историка. Именно В.И. Фрейдзону принадлежит заслуга создания российской исторической кроатистики как отрасли научного знания.

Важное значение для правдивого описания истории Великой Отечественной войны имеют свидетельства участников и очевидцев событий тех далеких лет. Ценность мемуарных публикаций велика благодаря личным оценкам, своеобразному индивидуальному восприятию событий. В полной мере это относится и к воспоминаниям В.И. Фрейдзона. Он, не зная, что по условиям того времени дневник вести нельзя, все же записывал название деревень, хуторов, даты, фамилии и основные события дня или недели пребывания в действующей армии. Его однополчанин Сапожников еще во время войны сделал толстый переплет из картона для его дневниковых записей. В середине 1980-х годов В.И. Фрейдзон начал записывать воспоминания о войне в тетрадку, основываясь на своих фронтовых заметках. В 1986 г. он встречался с писателем Г.Я. Баклановым, тоже офицером-артиллеристом, и передал их ему в надежде, что Бакланов сможет использовать их в своей прозе. Но неожиданно после этого В.И. Фрейдзон уничтожил свой дневник. После смерти В.И. Фрейдзона его дочь В.В. Коротеева нашла черновую тетрадку, к счастью, написанную как всегда аккуратным и четким почерком, и после обработки и перепечатывания любезно передала нашему журналу.

К сожалению, все меньше остается людей, свидетелей тех тяжелых, но героических дней Великой Отечественной войны, которые могут рассказать нам правду о ратных подвигах советских солдат и офицеров, отстоявших свободу и независимость нашей страны и освободивших народы Европы от фашистской тирании. Тем ценнее для нас их свидетельства военных лет. В дневнике В.И. Фрейдзона показаны мужество и героизм советских солдат – артиллеристов, представителей многонациональной советской страны. Здесь фигурируют украинцы Бабиенко, Власенко, разведчик Гапочкин из Средней Азии, Ищенко, наводчики орудия чуваш Ходяшев, разведчик татарин Фатеков из Казани, евреи командир 3-й батареи старший лейтенант Абрамович, командир 2-й батареи капитан Спектор, М. Гудзе, русские наводчики орудий Левин из Вологды, В.В. Шаханов из Александрова, старшина Русаков из Сталинграда, помор Баев, казахи и белорусы и многие другие, вставшие на защиту своей Родины.

Привлекает интерес в воспоминаниях В.И. Фрейдзона проблема отношения к немцам военнопленным. “Враг, – пишет он, – не человек, пленный для меня – всегда уже человек. Знаю, что на моей совести десятки жизней гитлеровцев, но дрожащий пленный – совсем другое”.

Воспоминания молодого лейтенанта-артиллериста – один из ярких примеров реалистического описания военных будней. Надеемся, что они привлекут внимание читателя. Фронтовые записи В.И. Фрейдзона публикуются с некоторыми сокращениями. Стил изложения сохранен.

* * *

Летом 1941 г. наш исторический факультет, как и другие факультеты МГУ, направили на рытье противотанковых рвов. Я тогда копал плохо. Не выносил тяжелого труда на жаре, да еще в страшной пыли. Только в сентябре, когда поспежало, стал выполнять норму (3 куб. м в день). Послали меня однажды к фельдшеру (недалеко в селе Снопоть был медпункт), этот коновал меня выслушал, сказал, что сердце в порядке. Я и сам так всегда думал, а нормально работать был не в состоянии. Значит – симулянт. М.Я. Гефтер (впоследствии известный ученый, доктор исторических наук. – *Прим. ред.*), наш комсорг, где-то в начале августа публично меня обругал. Позднее на фронте меня сердце никогда не подводило, несмотря на крайнее перенапряжение,

а вот тяжелую лопату с песком по 10–12 часов в день поднимать не мог. Только в 1949 г. после рентгена доктор спросил: “А Вы знаете, что у Вас ось сердца расположена неправильно?”. Первый раз слышал. Вероятно, от рождения.

Однажды в сентябре в село Снопоть, где мы копали, вошел батальон пехоты. Народ средних лет, резервисты. Отходили от Днепра к Десне (мы – у Десны). Вид угрюмый, усталый. Молчали. Но порядок полный. Автоматов, насколько помню, не было, пулеметов мало, минометов, точно не было.

Везли с собой больного – приступ язвы желудка. Солдат стонал, мучился, терял сознание. Крестьяне отказывались взять больного – явно боялись немцев. “Эх, не хотите помочь Красной Армии”, – укоризненно и как-то очень грустно сказал лейтенант. Я показал ему избу, где был медпункт. Фельдшер сделал операцию, но солдат умер. Язвенник. А сколько здоровых лбов так и не было в армии! Плоскостопие и близорукость – не помеха работе в тылу, по хозяйству, в писарях и т.п. А не брали. Нелепо.

Где-то в июле 1941 г. (студенты – копали рвы под Рославлем) сидели черной усталой толпой на лесной поляне. Неожиданно из-за леса на высоте метров 300–400 с тяжелым гулом вынырнула восьмерка “Юнкерсов”. На нас – ноль внимания, летели на восток на бомбежку. Четкий строй. Все мы на мгновение оцепенели. Впервые увидел фашистские кресты на крыльях.

1 октября 1941 г. мы вернулись в Москву из района Киров – Рославль. Нас, студентов 3-го курса (и других), спасло то, что немцы 30 сентября рванули южнее и кто-то в этой тяжелой обстановке вспомнил о студентах, ночью нас сняли (уже целый сентябрь наша артиллерия била через нас), посадили в теплушки и через Сухиничи доставили в Москву. Элемент организованности, проявившийся в этой истории, в нечеловеческих условиях 1941 г., запомнился навсегда. В Москве через несколько дней было сообщено о прорыве фронта, о боях в Московской области. 16–18 октября десятки эшелонов увозили эвакуированных. Нелепо сейчас в печати звучат голоса, будто уезжали паникеры. Эвакуацию организовывало государство, уезжали те, кто ни в коем случае не хотел попасть к немцам; широким слоям населения, да и самому руководству, как мне кажется, судьба Москвы была неясна.

16 октября должен был выступать по радио председатель Моссовета В.П. Пронин (он был ранен при бомбежке, но этого тогда никто не знал). То, что о выступлении было объявлено, а он не выступил, усилило тревогу, охватившую москвичей уже числа 13 октября, когда из города потянулись вереницы машин с дипкорпусом. Говорили, что Гитлер назначил вступление в Москву на 16 октября. В этот день на фабриках, складах народу раздавали текстиль, продукты. Была парализована милиция. Я видел, как здоровенный парень “помог” нести старику тяжелый чемодан, старик с билетом прошел мимо милиционера на вокзал, а “носильщик” не отдавал ему чемодан, пока тот не заплатил ему 200 рублей. Милиционер ухмылялся, смотрел в сторону. Видел как хулиганы, вися на трамваях, сбивали с ног стоящих людей. У моей бедной одинокой тети Паши в автобусе забрали чемодан с бельем, которое она собрала для отъезда.

Университет уезжал в Ашхабад организованно. Мы поехали втроем с двоюродным братом Сеней и тетей Пашей. На одной из подмосковных станций, уже припорошило снегом, навстречу подошел воинский эшелон. Часть солдат маршировала по перрону, другим кто-то (очевидно политрук) в теплушках читал газету. Народ крепкий, красивый, высокий. “Что, немец прет?” – спросил у меня один. “Да, но вроде медленно”. Ничего не сказав, военный отошел. Через 8–10 минут эшелон двинулся. За ним еще и еще. Масса шла несметная. Нас загнали на Котласскую ветку (тупик) до ст. Опарино, где продержали 10 дней. Обовшивевшие страшно и едва живые от голода, зашли в горком комсомола, в парткабинет – посмотрели газеты дней за 15. Москва выстояла, а ведь 16–17 октября казалось, что дело совсем плохо.

Побыв несколько дней у родителей в Тюмени, сходя в баню и набрав сухарей, я с дракой влез в поезд. В Новосибирске было минус 40. Студентам (кто-то сообразил) билеты выдавали вне очереди на Турксиб. В Ташкенте – плюс 10, там встретил нескольких студентов. Вместе добрались до Ашхабада где-то в декабре. МГУ уже был там.

Приехали ночью, я на минуту отстал от ребят. Они спокойно пошли в город, а меня на станции задержал какой-то чин. Хватка у него профессиональная, рука как клещи. Вид же у меня был подозрительный – сильно оброс. Показал все справки, паспорт, студбилет, отсрочку по призыву. Поверил он только тогда, когда вернулись студенты.

* * *

Когда впервые попал на фронт, наивность была удивительная. “Ждите, за вами придут”, – сказали мне в штабе дивизии. Ночевать негде, ноябрь 1943 г. Промерз, забрался в какую-то нору, набрался вшей. “Да когда же, наконец, меня позовут”, – спросил еще у двоих “ожидавших”. “А теперь лучше не будет, напрасно спешишь”. “Но хоть печка-то в землянке будет?” “Печка-то будет, пока будешь сидеть в землянке”. Потом привык сидеть в промерзлых окопах и окопах с водой (желтой, глинистой) и рядом с трупами (дышать было невозможно). Прыгал не раз в окоп, спасаясь от арт-обстрела – а в окопе вода по колено, заливают сапоги, а надежды подсушиться нет ни сегодня, ни завтра. Спал в плащпалатке на лапнике, который промокал насквозь, но усталость такая, что, проснувшись, поворачивался на другой – сухой! – бок и засыпал, а мокрый бок обсыхал на свежем воздухе, если дождя не было. Дважды по 2 месяца почти точно – в конце 1943 – начале 1944 г. и в октябре – ноябре 1944 г. вообще не выходил из таких боев ни на один день. Лето 1944 г. и зима 1944–1945 года не в счет, тогда даже воевать было легче. Когда было сухо, спал в ватнике на снегу.

Ноябрь 1943 г. Впервые на фронте. Леса Витебщины, снег. На холмах наша батарея – НП, одно орудие на прямой наводке в километре от немцев, и в метрах 500 от нашей траншеи. Старая оборона. Тишина, снег. Ночью, когда шел сюда, все небо было в трассирующих пулях, а днем все спит. Только изредка слышу свист и вижу в стереотрубу, как около нашей траншеи рвется снаряд. Ни один в нее не попадает. “Так вот какой он, фронт!”

С 5 декабря – наступление, медленное продвижение вокруг Витебска. Артполк 891, 332 с.д. уходит на новые огневые позиции. Я – комвзвода управления. Присел на пенке в лесу, солнце, светло, а в 4–5 шагах лежат в маскхалатах первые увиденные мной убитые наши пехотинцы – трое, срезанные пулеметным огнем. Проходит наш командир полка с группой, наклоняется к одному, отворачивает ворот халата – офицер. Я смотрю: тонкие правильные интеллигентные черты классически русские. Лет 20, не более. Раздали еду, ем около убитых, привык сразу. Может быть, потому не поразило, что нигде ни капли крови, даже ран не видно. Лица убитых бледные на морозе, лежат, будто живые, как и полагается солдатам под обстрелом. Вот встанут и пойдут дальше.

Позднее за год-полтора видел убитых без счета, но запомнились некоторые. Вот случай: нелепый приказ в ноябре 1944 г. выдвигаться с “ЗИС-3” на поляну впереди пехоты метров на 50. Голое место, а немцы могут быть в лесу в 50 м от нас, наша пехота тоже на опушке. Переезжаем передовую на “студебеккерах”! Несколько пехотных окопчиков, солдаты в касках спят, уткнувшись в переднюю стенку окопа, в бруствер. Кое-кто смотрит вперед. Вдруг выскакивает из окопа средних лет капитан-пехотинец: “Куда же вы едете?! Смотрите, что тут делается”. И показывает на “спящих” (сидящих в окопах) солдат в касках: они, оказывается, все убиты снайпером сегодня. Мы беспомощножимаем плечами – “приказ”.

Кругом ни выстрела, наверно, отдыхает снайпер, и вообще на передовой нет немцев. А мы на “пупе”, посредине полянки. Еле уговорили (я и Мишка Гудзе – командир 2-го взвода) нашего незадачливого нового комбата, заменившего раненого нашего командира батареи Ивана Ефременко (уж он-то этого бы не сделал), повернуть обратно и занять огневую позицию в кустах на опушке, в 50-ти метрах позади!

В декабре 1943 г. – в районе Городка (северо-западнее Витебска) наши войска вклинились в немецкую оборону, не дойдя 1–1,5 км до железной дороги Витебск – Полоцк, по которой изредка появлялся немецкий бронепоезд. Он засыпал нас сна-

рядами и ускользал обратно! Вот не предполагал, что еще есть бронепоезда! Болото, сидим с пехотой, телефонами, катушками с проволокой. Очередная третья атака (мало артиллерии, нет танков) буквально захлебнулась в крови: рота казахов, которой я “придан”, исчезла на 9/10 за 1,5 часа.

В ночь на 4 февраля 1944 г., постлав лапник в несколько слоев, пытаемся уснуть в лесу, в болоте ($t = 0$). Просыпаюсь от удара дубины по затылку, вскакиваю, кругом стонут раненые: кто в ногу, кто в живот. Помогаю им, но болит сзади. Дотронулся ладонью и (темно, едва видно) – смотрю, рука – вся ладонь – черная (не красная) от крови. “Так я тоже, значит, ранен?” Фатеков, запевала (“Гая молодая”, “Славное море”, “По диким степям Забайкалья”), татарин из Казани всего две недели назад мне сказал: “Вас, товарищ младший лейтенант, мы вытащим, что бы ни случилось”. Так вот, Фатеков (разведчик) и еще кто-то вывели меня под руки (ноги переставлял сам, а голова одеревянела) в санпункт. Дальше лошадью в санбат, затем “черепной” госпиталь во Ржеве, потом в Горьком. Слышал, как в санбате врач, щупом промерив вглубь рану, сказал (как показалось, с ухмылкой) “пять миллиметров”.

Итак, видно безнадежный. Но оказалось, осколок мины прошел по касательной черепа и (о, чудо!) через два месяца голова стала поворачиваться, а вокруг меня большинство “черепников” поумирало. Некоторые через один-два дня после ранения – во время операции. Другие добрались до Горького и я днем за днем видел их агонию – воспаление мозга. А мне становилось лучше. Ведь дело все было в нескольких миллиметрах! Все мои одногодки (вернее 97%) так и кончили.

* * *

Попав на фронт осенью 1943 г., видел кучку проржавевших (красных от ржавчины) “бомбочек”. “Что это за бомбочки, ребята?” “Да это мины от минометов, тов. младший лейтенант!” Вот как нас учили! Не видел в артучилище мины, ни разу не стрелял из пушки. Расчет был на то, что “на фронте они быстро доучатся”. Но за 8 месяцев сделали из нас “минимальных” офицеров! Дело не простое. Занимались по 16 часов, иногда в туалет удавалось пойти только после отбоя.

Ну, ладно, несколько слов о Гапочкине, артрязведчике 325-го противотанкового дивизиона. Маленького роста, очень худой (около 40 кг) из Средней Азии, где только находилась его душа? Удивительно храбрый человек и любитель приключений! Исчезал иногда на несколько часов. “Где был?” – спрашиваю я. “С пехотой в атаку ходил”, – отвечает. Носил немецкий облегченный автомат. Однажды пехоте поступил приказ захватить хутор (такие изматывающие стычки продолжались до апреля 1945 г.). Несколько очередей и взрывов гранат и наши в домике. Утром приходит Гапочкин: “Тов. лейтенант, идите посмотрите, я пулеметчика убил”. “Как так?” “Я с пехотой ходил”. Пошли. Вся комната загажена и среди этой грязи лежит огромный немец в каске 190 см ростом, килограммов на 120.

* * *

Июнь 1944 г. При продвижении к Дриссе в конце июня 1944 г. мы прикрывали шоссе, за которым расположился штаб дивизии и по которому пылила замученная бессонницей и жарой пехота. Штабисты поставили весь дивизион нелепо: третья батарея расположилась почти вплотную к лесу, вторая и наша батареи треугольником метрах в 100 позади нее. А в лесу находились немцы (когда занимали позицию, их там не было, но крестьяне-белорусы знали, что они подойдут – и бежали из домов). Метрах в 700–800 от нас левее леска какие-то двое людей на поляне рыли окопы (казалось, гражданские, биноклей мы не имели), видно было, как стелили одеяло. Я убеждал командира батареи Ефременко, что это немцы – минометчики оборудуют НП и предлагал дать туда 2–3 выстрела. Надо было бы пушку откатить метров на 30–40, поднять ее на холм и дать 1–2 снаряда. Но Ефременко, опытный и осторожный, только махнул рукой. Вместо этого командир второй батареи капитан Спектор с лейтенантом Каниным и двумя солдатами пошли посмотреть, кто там, т.е. на разведку через лесок,

еще не занятый немцами. Вскоре Канина пронесли обратно с пулей в животе. Из леса началась стрельба из пулеметов. Мы всем дивизионом сыпанули по лесу снарядов 50–60 (позднее видели там оторванные руки и ноги). Но тут начался минометный обстрел: заработал немецкий НП. Был ранен командир 3-й батареи старший лейтенант Абрамович, его с окровавленным лицом увели мимо нас, он кричал: “Бейте их, бейте”. Через час мина попала в один из окопов нашей батареи – от двоих солдат – каша. Итог: 1 ранен, 3 убитых (Канин умер). Может быть, этого не было бы, если бы во время ударили по НП.

Бои за Дриссу (а таких вероятно, было сотни) – пример стратегии “сковывания резервов” и “отвлечения сил противника от главного направления”. Просто я это видел собственными глазами в июне 1944 г.

Справа по правому берегу Двины с танками, большими силами наступает 2-й Прибалтийский фронт. Наша армия (4-я ударная) на левом берегу: снарядов нет, танков нет, артиллерии Резерва Главного Командования нет. Немцы держатся вдоль левого берега на плацдарме. Гул отставшего 2-го Прибалтийского с каждым днем приближается. Приказ наступать. Подошла гвардейская дивизия. Солдаты все как на подбор. Мы ее на марше обогнали на своих машинах. Целиком русский состав, шутят, тысячная масса в полках, противотанковые ружья несут на плечах, устали, но, провожая нас, кто-то из них крикнул нам вслед: “Ну, такие пушки он [немец] увидит, сразу убежит!”

Третьей батарее нашего дивизиона приказано участвовать в артподготовке с закрытых позиций. Капитан Спектор, комбат, говорит, что у нас половина снарядов – бронебойные, трассирующие. Из боезапаса на орудие лишь полсотни осколочно-фугасных. “Артподготовка” в кавычках – 10 минут, гвардейцы пошли не ложась.

Когда через 2 дня подошел 2-й Белорусский фронт, немцы покинули плацдарм, утром – ни души. Идем смотреть. В немецких окопах полтора десятка убитых. “Молодцы”, – похвалил Спектора полковник, начальник артдивизиона (его фамилию не помню). Я оглянулся – вокруг сотни убитых наших гвардейцев. Так стоило ли “сковывать” противника и класть наших солдат в процентном отношении 10–15 к 1? Но зато никто не получил упрека в “пассивности”.

* * *

24 августа 1944 г. 11 часов утра. Круопай. Литва. Костел, поселок, впереди костела луг метров в 500, в костеле мы, а в 500 метрах в леске, кустарнике, за лугом – немцы. Час назад закончился кровопролитный бой. В поле дымящиеся еще немецкие и наши танки, убитые солдаты, сгоревшие дотла сараи, стога сена. Жаркое солнце, уже высоко. Тишина удивительная. Немцы атаковали в 4 часа утра и к 10 часам были отброшены обратно в кустарник. Ясный летний день. Не верится, что только что здесь был ад. Замкомандира дивизиона старший лейтенант Поляков весь бой просидел в окопчике позади костела, боем противотанковой батареи “руководил”, если можно говорить о руководстве этим смерчем, который кончился уже в пятом часу утра тем, что немцы перекатались через нашу артиллерийскую батарею, раздавили все три пушки (ЗИС-3), а мы, оставшиеся в живых (половина солдат и я), выползли к своим, пользуясь суматохой, дымом, темнотой (в Прибалтике 4 часа по-московски равняется фактически 2 часам ночи).

Что было в голове у Полякова, понять не могу и сейчас; вероятно, чувство отчаяния, позор за трусость. Искал ли он смерти? Не знаю, но примерно около 11.00 он сказал: “Фрейдзон, пойдём посмотрим, что с батареей”. Я лет 40 не вспоминал об этом, хотя о самом бое вспоминал ежегодно, а что было потом, как-то не думал. А сейчас страшно. Какое-то сумасшествие или гипноз? Батарея погибла на поляне – примерно в 100 метрах от костела. Вместо того чтобы удержать Полякова и сказать: “Не ищите смерти!”, я ответил спокойно, со спокойствием невменяемого: “Идем”.

Мы вышли, пересекли проселок, на котором лежало несколько убитых молоденьких немцев в новеньких мундирчиках (лет по 18), пыль уже припорошила их лица.

Не добежали они до ограды костела метров 5–6. Тихо. Идем дальше. Совершенно открыто все кругом. Идем спокойно рядом несколько минут, не пригибаясь. Я даже почему-то не думал, что снайперу или пулеметчику (а они у немцев мастера) стоит только нажать спуск. Подошли к окопам батареи – между ними метров в 20 в правом расчете Шаханова – лежит убитый Красильников (похоронен в братской могиле в Круояе вместе с еще десятками наших, погибших 24 августа 1944 г.). Пушка разбита снарядом и раздавлена гусеницами, впереди нее метрах в 50 танк и небольшая самоходка немцев. Идем влево – на бруствере окопчика вижу аккуратно сложенную свою шинель. За 6 часов я ни разу о ней не вспомнил! Забрал. Трое наших убитых лежат в окопах. Украинец Власенко ничком, как при бомбежке, очередь из автомата в голову. Он бежал из плена, попал к нам. Снял панораму – оказалась цела, хотя на пушку – как и на первую – страшно смотреть. Пошли к третьей. Та же картина – убитый Подарцев, полноги нет, обгорела, раздавлена. Убили его при мне. Он наводчик – стрелял даже тогда, когда головы поднять было нельзя. Но он предсказал свою смерть за неделю: ехали на “студебеккере”, он вдруг говорит; “А меня все равно убьют”. Может быть, если б не был в этом уверен, не встал бы в рост навстречу танкам. Герой? Жалел я потом, что не пытался его разубедить. Некогда было.

Как я мог, вырвавшись чудом из лап смерти (сплошной пулеметный дождь, а я бегал один от пушки к пушке, подбадривая ребят), пойти после боя на верную смерть? Оказалось, не верная!

Странное дело: с Поляковым у меня связана еще одна нелепая история, тоже едва не стоившая мне головы. Это было в конце октября 1944 г. У нас не было командира батареи (о Ефременко постараюсь написать потом), и Поляков, как замкомандира нашего 325 истребительного противотанкового дивизиона 270 Демидовской дивизии, торчал с нами на передовой. С 5 октября началось тяжелое кровопролитнейшее наступление 6-й гвардейской армии из района Шауляя – Вайньоде к Балтийскому морю. Одним крылом армия вышла к берегу, отрезав Курляндию, но на большинстве участков продвижение было небольшим (об этом стоит рассказать особо). Бесконечные ледяные дожди, залитые водой окопчики, практически без сна по 5–7 дней – засыпали иногда на 20–30 минут, круглые сутки в лесах и болотах, под нескончаемым минометным и артиллерийским огнем, почти или совсем без пехоты, которая буквально растаяла за 10–15 дней. Начались бои “местного значения”, то есть взаимное истребление из-за какого-нибудь хутора, обозначенного на карте, высоты, поднимающейся метров на 5–10 над низиной, которая постепенно понижалась к морю. Немец переходил в контратаки, все время нащупывал слабые места в нашей обороне, просачивался мелкими группами. В течение целых суток немцы обстреливали из орудий и минометов 3-ю батарею нашего дивизиона, стоявшую примерно в полукилометре левее нас. Наконец, окружили ее, большинство солдат, однако, вырвалось, погиб один лейтенант – командир взвода (казах) и еще человек 5–6.

Как вырвалась 3-я батарея: положили раненых на три танка, сами – следом, стреляя из автоматов по сторонам. Раненые все были убиты в пути. Группы немцев трижды бросались из придорожного леса с длинными шестами с факелами на конце на танки, но никто из них не добежал до танков. Поэтому ребятам показалось, что они прорвали три линии немцев. Перед отступлением белообрисенький тихенький деревенский мальчик Саша (фамилию забыл, так как чужая батарея) под пулеметным огнем бросился снимать панораму (нам в училище говорили, что она стоит 10 000 руб. и что оставить ее противнику – позор), кажется, из Пензенской области, был срезан наповал. На следующий день, когда пехота заняла это место, у него нашли письмо: “Сыночек Сашенька, Бога за тебя молим, и я, и тетя Глафира, один ты у нас остался”.

Тогда же немцы взялись за нас. Находясь с 2-м орудием Васи (Василия Васильевича) Шаханова из г. Александрова, я сообразил, что нас могут обойти справа. У моего орудия был пулемет, надо было поставить его где-нибудь правее второго орудия, чтоб солдат наблюдал за флангом. Тем более можно было забрать пулемет, поскольку нас на отшибе было 6 чел., а там – вся батарея – 2 расчета (человек 15–16) плюс

радисты, разведчики, Поляков и Гудзе. И тут я совершил ошибку. Вместо того чтоб послать к Полякову кого-нибудь, сам побежал под огнем (мы находились на опушке, в кустарнике, и перебегать было возможно). Мне даже в голову не пришло, что это “бегство”, ведь я пробирался вдоль передовой за своим пулеметом! Прибежав к Полякову, я попытался ему объяснить свой “план”. Но он в крайнем возбуждении закричал на меня: “Назад, трус!” И полез за пистолетом! Голову он, явно, потерял, и доложить ему что-либо было невозможно. Я побежал обратно. Обошлись без пулемета. Через час, когда немцы пошли в атаку, наше орудие, оставаясь невидимым, подбило четырьмя выстрелами с 200 метров четыре танка! Это был подвиг!

Когда бой несколько утих, Шаханов побежал докладывать Полякову. Тот вскоре явился, посмотрел и стал на меня кричать, почему я не бываю у своего первого орудия (т.е. там, откуда он меня прогнал). Он был явно невменяем.

Спустя пару дней в лесу, на позиции, я к нему подошел: “Вот что, старший лейтенант, если будете ко мне приставать, пристрелю в первом же бою”. Вероятно, я был в состоянии стресса от обиды, бессонницы и нечеловеческой усталости. Я показал ему на свой пистолет в кобуре. Он посмотрел на меня с великим удивлением, пытался сказать что-то, или улыбнуться. Скорчил какую-то гримасу и не сказал ни единого слова.

Весь расчет Шаханова получил ордена. Мне – ничего. Вероятно, Поляков так доложил командиру гвардии майору Ищенко. Но я и не понес никакого наказания! А ведь за такое полагался трибунал, штрафбат и почти верная смерть. Опять оказалось – не верная.

Полякова вскоре куда-то убрали. Больше его я никогда не видел. Но когда мы через несколько дней под огнем снимались с передовой, комиссар Бабиенко прислал к нам парторга капитана Конева с заданием “проследить” за мной и тот спрашивал чудесного моего старшего сержанта Ваню Карпова: “А как вел себя лейтенант?” На что Ваня ответил: “Как все”, и потом рассказал мне. Так кончилась моя история с Поляковым.

Когда я в 1984 г. рассказал об этом проф. М.М. Фрейденбергу (бывшему фронтовику), сказав, что потерял верный орден Красного Знамени, тот сказал: “Но такая история стоит дороже!” Вероятно, он прав. Ведь это сама жизнь.

Несколько слов об упоминавшемся выше старшем лейтенанте Иване Ефременко. С мая по октябрь 1944 г. – мой командир батареи. Великан, лошадиное лицо, грубоват, необразован, кадровик. Почему-то с ним я себя чувствовал спокойно. Готов был пойти с ним куда угодно. У него было удивительное чувство, нюх – что делать в какой-нибудь обстановке и вместе с тем опыт – чувство опасности. Спокойно, без шума вел дело. Когда надо выдвигаться на огневую позицию, сам поведет и ткнет кулаком в землю: “Вот здесь ставь пушку!” И всегда это были удачные позиции. Однажды ночью была неясность, снимется ли пехотный батальон, которому мы приданы, или нет. Ефременко ходил, чего-то выяснял, а потом под утро плюнул “А ну давай сниматься”. Утром пехота ушла. А каково было б нам с открытого места вывозить пушки?! А ведь рисковал: что если б немец утром полез, а мы уже снялись? Трибунал. Вот за это и уважали его, за нюх.

Однажды в Литве приказали выдвигаться к одиночному хутору на небольшой лесной полянке. Пошли с Ефременко смотреть. Передовой (нашей пехоты) нет, тишина. С пистолетами в руках идем к хутору (полянка метров в 75), ожидая в любой момент пулеметной очереди (ее уж бы не услышали!) В доме никого, но следы пребывания немцев – гора консервных банок и др. мусора на столе. Ефременко: надо еще ночью проверить. Полезли ночью – нас оттуда на шорох хлестнули очередью. Вот так доказывали начальству, что хутор в руках противника.

Всю жизнь ему благодарен за то, что однажды, когда я должен был ночью вывести в лес батарею на огневую позицию и сбился, позицию не нашел (всего-то метров на 100 в сторону вывел!), а утром наши войска пошли в наступление и надо было во что бы то ни стало оказаться на месте, Ефременко послал солдат поискать наши

огневые позиции (они нашли, но минут 30–40 у меня были не из приятных; очень плохо ориентируюсь, это беда для офицера) и потом дня через три, когда пили чай, поставив кружки на пень (в лесу), он сказал: “Ну, я и сердит на тебя был!” А ведь тогда он в мой адрес не бросил ни одного слова упрека. “Да, я и сам себя тогда казнил”, – ответил я.

И тот же Ефременко, которому батарейный повар готовил отдельно, мог с каким-то (гнусаво говорящим) незнакомым капитаном (новым командиром 3-й батареи) есть из одного котелка, а мне, сидящему рядом, не предложить (низший по чину!), и только потом предложить остатки – “Хошь? Доедай!” “Спасибо, комбат, – ответил я, – сейчас привезут обед”.

Гудзе мне говорил, что Ефременко не раз, чувствуя, что завтра смертельный бой, “заболевал” (поясницу ломило и т.п.). Так было и под Круопяем 23–24 августа 1944 г. В октябре его ранило в ногу пулей (шальной на лесной дорожке) и я, находясь рядом, помог ему выбраться. Ефременко увезли, и мы очень переживали за него. Позднее, 5 декабря он заходил к нам, уже капитан, попал в штаб дивизии на безопасное место (знакомых у него было много). “Живите!”, – сказал он напоследок. Маленькая его фотография “на память” у меня и сейчас лежит дома.

В августе 1944 г. командир дивизиона майор Ищенко впервые за два месяца боев появился на батарее. Повертелся, указал на что-то и исчез. Обычно он в штабе – рядом со штабом дивизии, т.е. четыре-пять км позади. Ведь дивизион наш – отдельная часть 270-й Демидовской стрелковой дивизии. Странно, что это он здесь делает? Вскоре ушел, а через месяц смотрю – ходит с орденом Красного Знамени. Так значит для рапорта – “лично руководил боем”. Но бой вели танки впереди нас метрах в 100, били куда-то вправо вдоль лесной проселки, скрывая немецкие танки.

В сентябре 1944 г. помню один из немногих дней, когда удавалось почитать газету. Смешно и нелепо сейчас слышать, что артисты такого-то театра давали концерт на передовой. Да представляют ли пишущие, что такое передовая? Передовая – это только там, где днем нельзя поднять головы из окопа. А где можно днем ходить, уже совсем не передовая, даже если позиция в лесу.

Раз оборону с нами держал взвод разведчиков дивизионных. Огонь немцев был такой, что их командир не раз умолял Полякова отойти. Нам это и в голову не приходило! А ведь разведка – богатыри! Казалось: никогда б не мог так, как они, спокойно пойти в тыл немцу, а они не могли выстоять с нами! Каждому свое. Стояли железно, даже тогда, когда пехотинцев порой случалось ловили командиры в 5 км в тылу! А мы вроде прикованных – ведь пушку не бросишь.

Всю жизнь меня мучает один случай, когда во время танковой немецкой атаки я вернул бегущих 7–8 пехотинцев. “Назад”, – крикнул я. “Да у нас там и окопов нет”, – попытались они оправдаться (мы наступали, как вдруг немцы нас контратаковали), но послушались, побежали обратно. После боя я видел их раздавленные тела, разорванные в клочья.

Пехота должна убегать от танков (если это не оборона Москвы!), иначе – гибель всех без исключения! И солдат своей шкурой это понимал. Даже наши 76-мм пушки, как правило – не средство борьбы против танков. Я все думал, неужели это не понимают “наверху”. Прекрасное средство для устойчивости фронта, если нет танков. Против них на равных – только танки и самоходки, катюши, короче – техника, а не тело человека. Можно героически погибнуть, и только. Но героев – 1 на 1000. “Массовый героизм” выдумка журналистов и тыловых пройдох. Через 35 лет после войны я читал в журнале “Наука и жизнь” эпическую, спокойную статью какого-то конструктора танков: противотанковая артиллерия, писал он, вроде человека, выходящего против одетого (закованного) в сталь воина. Значит, понимали! А сколько за этим погибших артиллеристов? Танкам должны противостоять только самоходки и танки!

Однажды танкисты мыли ИС-2, танк со 100 мм пушкой. На лобовой броне – крупная вмятина (металл вырван), в которую я вложил кулак. От “Тигра”, сказали ребята. “А мы его в лоб берем”. Вот это дело.

Нелепые сцены в кино, когда запросто гранатами и бутылками поджигают танки. Возможно, это и было в 1941 г. Неужели в 1943–1945 гг. люди стали другими? В чем-то, наверно, стали. Да и война стала буднями, прозой, бытом, повседневностью, и, кто мог (по службе, и даже за счет службы) – стремился подальше от передовой.

Октябрь – ноябрь 1944 г. Дважды немцы, идя в контратаку в лесу, просачивались к нам в тыл: впереди в 200-х м, позади – в 50–70-ти м. К счастью, с нами 2 танка “Т-34” (ведь пушку на передовой обратно не повернешь!). Развернули башни, дали два десятка осколочных в тыл – и стало тихо. У немцев танков не было, и они, видимо, ушли.

Один снаряд из “Т-34” разорвался об дерево в 15 м позади меня (я сидел в ровике около танка). Наповал убило фельдшера. Мы его звали “доктором”. Бедняга все время ходил в каске. Когда все кончилось, мы к танкисту: “Что ж ты, доктора убил”. “Я ж не хотел”. Сейчас даже странно вспоминать об этом. Убили случайно своего и через минуту никто уже и не думал об этом, потому что смерть висела над каждым.

На следующий день танкистам был дан приказ выдвинуться вперед метров на 100. Выпросил танкист у меня подкалиберный снаряд. Ребята осуждающе молчали, когда я отдал – у самих по пять на пушку. “Ну что вы, братва, ведь он же в атаку идет”, – сказал я.

В начале нашего наступления 5 октября 1944 г. немцы начали быстро отходить и потеряли связь с передовой. Когда мы переправились через р. Вирвите и сели в немецкие окопы, мы заметили, как на полном ходу неся немецкий мотоциклист с пулеметом – немецкая разведка! Немцы, видимо, думали, что западный берег еще их. Наша пехота с 10 шагов расстреляла их из автоматов. Подбежали, колеса еще крутились: один рыжий (как и полагается немцу), другой совсем черноволосый и молоденький.

О том, что мы ночью переправились через Вирвите, не знали не только немцы, но и наши тылы: рано утром нас обстреляли “Илы”, но, к счастью, у них было другое задание, так что они просто так сыпанули из пулеметов по нам.

Прислали в октябре парторга капитана Конева, он несколько раз бывал у нас – и все, попал разок и под сильный обстрел. В феврале 1945 г. вдруг объявился еще один капитан, фамилии не помню. Собрал нас в землянке комбата, познакомился и вскоре уехал, сидел в штабе, а в конце войны, мы, уже передислоцировавшись, числа 10–12 мая проезжали мимо политотдела дивизии. Майор Горелик из политотдела, занимающийся наградами, увидел “нашего” гостя: “А! Вот видишь, я же говорил тебе, что в этом дивизионе ты быстро заработаешь орден!” Капитан смутился – ведь мы слышали! Значит, он просил его перевести к нам, чтобы иметь орден!

И еще одно воспоминание. Никогда близко к передовой не бывала машина военторга, газеты (да и то в основном дивизионка) – нерегулярно. Да и не до них было. Только встав в оборону, стали почитать сводки.

* * *

Октябрь 1944 г. наша батарея (“студебеккеры”) буксует на рокадной дороге примерно в 1 км от передовой. Ночь, ни зги. Немцы засекли шум и сделали один выстрел из пушки. Снаряд разорвался прямо в кювете, где лежали, курили мои солдаты – замечательный расчет Шаханова. Шаханову и Карманову оторвало ногу (оба получили орден Красного Знамени за подбитые танки в августе в Круопье). Убиты наводчик Ходяшев (чуваш), лет 35, вечно державший в зубах трубку, маленький, с жидкой бородашкой, азиатского вида, удивительно добрый, спокойный, исполнительный, радист Медведев – мальчик с девичьей кожей, чистенький, интеллигентный, красивый, санструктор, недавно присланный в батарею. Один снаряд! Я с другими стоял около машины, смотрел, как шоферы навешивают трос, чтоб вытащить “студебеккер” из грязи, вдруг подумал: “Что там мои ребята?” Повернулся, чтоб посмотреть, едва направился к кювету и тут – снаряд. Еще 1–2 секунды, и я был бы с ними (о том, как еще не раз именно так избежал смерти, еще, надеюсь, написать).

Таких случаев, к сожалению, было немало: немцы звукоуловителями засекали наши машины, рассчитывали по карте и выпускали 1–2 снаряда. Такая тактика представляла опасность для нашей артиллерии вплоть до 1945 г., когда силенок у немцев уже оставалось мало.

Вечером 5 октября 1944 г. на р. Пенте 6-я гвардейская армия прорвала немецкий фронт и двинулась к морю. К утру пехота и танки переправились через р. Вирвите (Вирвичай), в 13 км западнее Венты. Мы вслед за пехотой заняли немецкие окопы на западном берегу Вирвичая. Рано утром нас лениво, походя обстреляла волна ИЛ-ов, шедших на штурмовку. Когда минут через пять появилась вторая волна ИЛ-ов, ей уже дали знать десятками белых ракет, что сидим мы – “свои”: связь с авиацией была плохая. Днем через брод стал переправляться танковый корпус. Впереди на “виллисе” ехал генерал, за ним свыше 100 тяжелых ИС и средних Т-34. Грозная лавина. Над переправой каждые несколько минут вели разведку пара “Мессершмитов”, подсчитывали наши танки, определяли направление. По ним били скорострельные зенитки. Минут через 15 прилетел почему-то только один. Когда он уже улетал, ему в брюхо всадили очередь и он со страшным взрывом врезался в лес. Танки продолжали переправу. Прошел день, вечером 6 октября мы слышали в 3 км лихорадочную стрельбу множества танковых пушек (как барабанная дробь). Нам сказали, что это танковая дивизия “Великая Германия” атакует. Бой затих минут через 30–40. Стемнело. Поступил приказ двигаться. По поляне подъезжаем к опушке. Светятся два угасших костра. Подъехав ближе, видим, что это раскаленные докрасна остатки “Тигров”. Башня одного отброшена взрывом метров на 15. Металл где-то уже темный, но почти всюду темнокрасный. Близо подойти нельзя от жара. Наши танкисты втянув их в бой, одновременно обошли лесом слева и расстреляли в упор.

Продолжаем медленное движение по лесной дороге. Метров через 200–250 видим в темноте силуэт одного, второго, третьего наших танков. Но что это? Вот их уже более 30, стоят по обе стороны дороги, некоторые углубились в лес. Как стадо мертвых слонов – у ИС мощные пушки похожие на хоботы. Остановились. Пошли по дороге. Насчитали 83 наших и ни одного немецкого танка. На дороге среди этого кладбища танков – двое солдат – наш, лет 20, худой, черненький, азиатского вида, и немец, рыжий, лет под 40. Убиты рядом. Вытащили документы нашего – комсомольский билет, Новосибирск или Красноярск, уже не помню.

Так вот оно что! Немецкие летчики выяснили направление нашей танковой колонны. Была быстро организована засада. Два “Тигра” посланы вперед, чтобы завязать бой и этим предупредить о подходе наших, а затем, по-видимому, отходить в лес, затягивая наших в засаду. Об этой тактике в шеститомнике “История Великой Отечественной войны” сказано одно предложение: “Противник применял тактику танковых засад”.

Вспоминая те дни, часто слышу рефреном звучащие слова: “На войне без потерь не бывает” – обычный ответ командира, уложившего людей по приказу. И никакой ответственности! А тому, кто сообщит, что не взял хутор, не выполнил задание, потому что не имел огневой поддержки (а “людей пожалел”) – головы не сносить.

“Любой ценой” при обороне Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Севастополя – это разумно и понятно. Но сколько потом было неразумного! “Штурмовали” Витебск в ноябре 1943 г. – феврале 1944 г. – это я видел – болота и леса, засыпанные трупами нашей пехоты. Продвижение – 10–12 км на отдельных участках. В одной из таких атак казахской роты сам участвовал, осталось всего несколько человек. И когда война повернулась в нашу пользу, зачем же тогда “любой ценой” брать населенные пункты, деревни, высоты? не лучше ли воевать лишние один – два года, но сохранить людей? Почему президент США, стремясь спасти жизни своих солдат, просил Сталина объявить войну Японии?

О тактических уловках немецких артиллеристов запомнилось еще: где-то в конце октября после изнурительной обороны (неделю под обстрелом, без сна, под дождем, без пехоты) пришел приказ сниматься и отходить в тыл. Так как мы стояли близко к немецким позициям, то машины подогнать было невозможно. Дали нам конные упряжки. Заранее, ожидая их, я назначил каждому свое место у пушки, кому за что тащить: Гучко – толстяку приказал висеть на стволе “ЗИС-3” для противовеса. Немцы постреливали регулярно из минометов. Но вот подошли кони с передками и мы вмиг пушку, заранее приведенную в походное положение, подтянули метров 10, прицепили, хлестанули коней! Несколько мин разорвались рядом, никого не задев. Немцы, как видно, не успели моргнуть, а наш уж и след простыл, ушли с опушки. Разрывы мин где-то сзади. У всех сразу поднялось настроение. Быстро проехали метров 400–500, увидели небольшую речушку и мостик. Расположились мы на бережку и все единодушно стали мыться, бриться, приводить себя в порядок. До передовой версты три – четыре. И вдруг издалека, очень издалека, завыл 6-ти ствольный миномет и потянулся изматывающий душу вой. Прислушиваемся, ждем, куда бьет. Вой усиливается, нарастает, нарастает. Наконец, когда он превратился в рев, кто-то успел крикнуть: “Сюда!” Окопов нет, голое место. Попадали мы и в тот же миг раздались шесть страшных разрывов между нами, лошадьми и около мостика.

Поднял голову и к огромной радости увидел, что целы и пушки, и солдаты. И только тогда я сообразил: ведь немец, гад, упустив нас с передовой, посмотрел по карте, где мы можем остановиться, чтобы, естественное дело, после этого ада умыться, привести себя в порядок, и дал по нам всего один залп. После разрывов мы повскакали и бросились прочь из этого проклятого места! Не останавливались до штаба дивизиона – километров пять.

Часто вспоминаю фантастический бой в октябре 1944 г., когда расчет Васи Шаханова уничтожил четыре танка. Шум моторов был хорошо слышен, и мы все напряженно (день пасмурный, дождь то прекращался, то вновь начинался) смотрим вперед и влево. Из-за опушки должны показаться танки. Как видно, там болото и они идут друг за другом. “Вот, вот!” – все одновременно воскликнули и тут Вася, отличнейший командир, вдруг кричит мне: “Прицел, прицел какой?” “Двенадцать!” (а до 600 м – всегда 12, но от волнения он забыл!). Метров 250 или меньше. Левин – наводчик (вологодский, маленький) сразу же выстрелил. “Есть, есть!”, – заорали все, а Левин, шатаясь, отходит от пушки. “Зис-3” ведь подскакивает при выстреле и панорамой ему ударило по лбу, не успел он в суматохе отодвинуться. Мы ему с Васей: “Давай в окоп! Ложись! Карманов – к орудию!” Карманов – аккуратный, деревенский, как и Левин, парень, ростом повыше, тихий, скромный – бросился к орудию. Второй немецкий танк объезжает подбитый совсем рядом (наверно, действительно, кругом болото?). Едва он показался, раздался выстрел! Подбит! Все ликуют. Опять все как на детском празднике – забыто все: и то, что только что били минометы (теперь они почему-то молчат!). Вдруг к орудию подбегает Левин: “Давай, я! Я наведу так наведу!” Я: “Давай, становись”. В течение нескольких минут Левин подбил еще два танка. Это чудо.

Странное дело – воевал с ноября 1943 г. (с перерывом: февраль – май 1944 г. в госпитале с ранением в голову) и вроде бы страха не было. А после Круопя, когда увидел своих раздавленных, сгоревших солдат, с которыми вечером кашу ел, пехотинцев с расколотыми головами и мозгом на земле, подкрался страх, который подавлял с трудом, хотя ведь ничего нового не увидел. Наверно, после этого сказала и погода, которая на меня действует (наступила осень, ледяные дожди) и смертельная усталость. Зимой, когда снег и сухо, морозец – чувствовал себя гораздо лучше.

Ноябрь 1944 г.: “Товарищ лейтенант, вас вызывает комбат!” Ночь, бегу, через 15 минут возвращаюсь в свой окопчик. “Товарищ лейтенант, а знаете, тут на ваше

место сел Баев и ему пуля попала в голову”. Баев – белобрысый, весь белый, помор, прибыл недавно, простой, очень скромный, молчаливый. Лежит в кустарнике, уже отташили.

Однажды в ноябре 1944 г. крепко уснул от крайнего переутомления в окопчике (ровике). Просыпаюсь, вечер, дождь, вокруг наших ровиков десятки воронок. Спрашиваю командира орудия Глотова: “Что здесь произошло?” “Да вы, тов. лейтенант, не знаете, что тут было”! Оказывается, я не слышал разрывов снарядов в 2–5 шагах от меня! Значит, не случайна пословица “из пушки не разбудишь”. Воронки уже полные воды. Мог и не проснуться (легкая смерть).

Все время в противотанковой артиллерии мы все спали с гранатой (“лимонкой”) в кармане (почти целый год). Две гранаты обычно еще лежали на полочке в землянке, когда жили в землянке. Вот в этой “ситуации” где-то в конце октября – начале ноября 1944 г. я “дошел”. Мечтал, чтобы ранило. Понимаю людей, которые стреляли не только в руку или ногу, чтобы потом оказаться в штрафбате, но стрелялись, чтобы уйти из жизни. По рассказам, были случаи самоубийства. Мозг перестает контролировать. Но это продолжалось дней 10. Как-то отоспался, помылся и постепенно вошел в норму. Наверно, тогда и начал болеть – сначала язвой желудка (после войны сразу прошла). Потом печень и нервы. Так всю жизнь война не отпускает.

Вспоминаю старшину Русакова из Сталинграда. Жена и две его девочки погибли при бомбежке 23 июля 1942 г. Парторг батареи, член ВКП (б) с 20-х годов. Рассказывал, что все их село – “субботники”, т.е. русские, но иудейской (еврейской) веры! Было там таких несколько сел под Сталинградом (вероятно, наследие Хазарии). Красивый, чисто русского рабочего вида, лет чуть за 40. Во время артобстрела, заставшего нас на рокадной дороге, он был убит осколком в одном шагу от меня. Мы курили в рукав, и даже не успели броситься на землю, не слышали снаряда. Умер через 2 секунды: опустился на землю и успел сказать: “Товарищи, товарищи, умир...”.

* * *

Пленные. Видел пленных, уцелевших после артподготовки и захваченных сразу же. Лица белые (не бледные!) как бумага, как у покойников, дрожащие руки и зубы, бессмысленный взгляд, неспособность отвечать.

Видел пленных, нарочно отставших при отходе немцев, прождавших в лесу волну нашей пехоты и вышедших к артиллеристам. Радостные, улыбались, махали руками. Видел одного средних лет пришибленного одутловатого немца, который в Курляндии, возвращаясь из санбата (болел), ночью прошел по большаку свою и нашу передовую и ровным понурым шагом прошел вглубь нашего расположения более километра. Ночью танкисты, что-то чинившие, увидели эту “тотальную” фигуру, захватили, передали пехоте. Его привели в тускло освещенную землянку. Немец стоял и смотрел, как солдаты едят его сало, от страха ежился и почему-то сразу меня спросил: “Теперь меня расстреляют?” Наши солдаты злобно посматривали на него, но никто пальцем не трогал его. Я только хлопнул его по плечу и сказал: “Нет, нет. Красная Армия не расстреливает”. Но он явно не верил.

Видел группу пленных, которые уже в метрах 500 от передовой слышали гул “катюш”. Вздрыгнули и стали озиаться, сразу не сообразив, что опасность от “катюш” им уже не грозит. Эта сцена летом 1944 г. меня убедила, что комплекс ужаса безнадежности прочно вселился в немцев, хотя, надо признаться, дрались они очень стойко.

Примерно с февраля 1945 г., когда наши вышли на Одер, гитлеровская дисциплина начала давать трещины. Каждый день в Курляндии на разных участках подползали к нашей пехоте по два-три человека и сдавались. Рослые, здоровые, откормленные, с готовностью поклонились и ответили “Гут морген” на мое приветствие.

Никогда не чувствовал ненависти к пленным, хотя не раз проявлял инициативу, добивался, чтоб послать 2–3 снаряда по блиндажу, пулеметчику, а однажды по техникам – танкистам, пытавшимся вытащить ночью из нейтральной полосы подбитый

танк. Враг – не человек, странное ощущение, психология войны. Пленный для меня – всегда уже человек. Знаю, что на моей совести десятки жизней гитлеровцев, но дрожащий пленный – совсем другое.

Видел пленных власовцев, взятых во время операции “Багратион” в начале июля 1944 г. Группа человек в 20 сидела на поляне, молчали все, какая-то особая мрачность, которой не было у немцев после того, как они убеждались, что их не съедят. Подошел: “Есть ли московские?” “Есть”. “Откуда?” “Из Серпухова”. Я сразу и не подумал, что “московскими” себя считают и областники. Все в чистой немецкой форме, аккуратные, белобрысые, – не узнал бы, что русские, а не немцы. Молодые все! 25–27 лет, а может и меньше.

Только одного видел немца, лет 18, с синяком во все лицо, один глаз заплыл совершенно, плачет, всхлипывает. Немецкие разведчики, перерезав провод, поджидали наших связистов, чтобы захватить языка. Их окружили, но они отчаянно дрались до последнего, пока в живых остался лишь один солдат. Ну, тут ему и дали по зубам сторяча. Я подошел через несколько минут после того, как его доставили. Его уже не били, все молча стояли вокруг.

Видел и пленных пехотинцев (а скорее разведку), которых взяли, когда они шли в контратаку и оторвались от своих. Их не трогали, хотя у нас положение было отчаянное.

* * *

Всю жизнь не могу себе простить, что я, всегда вежливый с солдатами, обругал ни в чем не повинного шофера Шкурова, а ведь он был почти вдвое старше меня. В конце февраля 1945 г. мы ночью снимались с позиций и машина Шкурова, опытного, спокойного, застряла в колдобине, забуксовала без надежды выбраться, а уже начало светать. Все происходило на открытой поляне и мы все могли погибнуть. Я сорвался, разнервничался. Уже рассвело сильно, когда, наконец, вытащили “студебеккер”, и мы быстро уехали. Через неделю я извинялся перед ним, но он не сказал ни слова. Значит, так и не простил.

Вообще, в большинстве случаев в 40 лет вел бы себя иначе, ведь мне тогда было всего 22–23, инфантилизма много. Как подумаешь, что в этом возрасте некоторые становились генералами, начинаешь понимать, что таланта офицерского у меня не было, мальчишества с избытком. Офицер должен быть “отцом-командиром”, а не мальчишкой.

Шоферы у нас были в батареях отличные. О Шкурове уже писал. Дробот был из Одессы, очень переживал, когда в часть пришло сообщение, что его отец служил немцам и арестован. Служил и дальше хорошо. Самый оригинальный был Петя Маслов, высокий, ладный. Вместе с двумя другими шоферами (из других батарей) пришел на фронт из тюрьмы: вор – рецидивист (карманник). Храбрый, служил отлично, не раз под огнем вывозил пушку. Приняли его в партию весной 1945 г.

Меня приняли в июле 1944 г., после месяца боев и первого ордена. Беседа проходила прямо в глубоком окопе. Тяжелые немецкие снаряды рвались метрах в 100–150 в разных местах. Что-то ответил, а что-то нет о принципе демократического централизма. Принимал симпатичный пожилой офицер из дивизионного политотдела.

Где-то в сентябре 1945 г. трое наших дивизионных шоферов-уголовников что-то не поделили. Двое избили Маслова. Его же разбирало партбюро дивизиона (я стал членом). Я не знал, как надо такое дело решать, мялся. Политотделец (что меня принимал) советовал ограничиться обсуждением. Дело было в теплушке (весь октябрь ехали из Литвы на Урал). Маслов страшно переживал, хотел демобилизоваться членом партии. В каком-то городе он ушел на базар и через час вернулся с деньгами и белейшими плюшками, которых я не видел с 1941 г.! Угощал меня (ехали на платформе в кабине “студебеккера”) “А где взял?” “Да там, один солидный господин на рынке стоял, я с ним побеседовал”. Булку я все-таки доел. Что с Масловым стало? Ведь не мог не украсть!

После разгрома немцев в Польше и выхода на Одер читал сводку в землянке. Потом вижу, все молчат, мрачные. “Что это вы, приуныли?” Ведь война идет к концу!” “Вот потому-то, тов. лейтенант”, – ответил Овсяник и все его поддержали. – “В разгар войны погибнуть нормально, а сейчас обидно”. “Но все же надежды сейчас больше остаться в живых”. Этот мой аргумент не помог. Долго все молчали.

Несколько наших самолетов, Пе-2 (“Петляковы”), направлявшихся в марте 1945 г. бомбить Либаву, были сбиты почти над передовой. Немцы постреливали в спускавшихся на парашютах летчиков из винтовок. Щелканье раздавалось совсем рядом, а мы ничего не могли сделать! Ясный солнечный день, и безоружных людей расстреливают в воздухе! Некоторые спустились и не вставали, другие приземлились на ноги и ждали подбегających немцев. Один расстегнул меховую куртку и на солнце блеснули ордена – вся грудь в орденах!

* * *

8 мая 1945 г. С утра – баня, потом бреюсь в землянке. Стоим на плацдарме (р. Барта в 20 км от Лиепая). Длина плацдарма – 1,5 км. Глубина – метров 300. Пятачок! Ни одного танка. Полк пехоты и два десятка пушек на прямой наводке. Минометчики. Турнуть и утопить в черной, холодной Бартае было б не трудно (у нас на старых картах Вартава). Но кто знал, может в тылу достаточно артиллерии? Но танков, однако, не было, и это самое опасное.

С утра два “Ла” (истребители Лавочкина) кружатся над немецкими позициями и никто их не обстреливает. А ведь обычно буря поднимается, тысячи разрывов. Мы не придали этому значения. В 4 часа дня зуммер: (голос Гапочкина) “Тов. лейтенант! По всей немецкой обороне белые флаги! Война кончилась!” Я с намыленной щекой выбегаю из блиндажа, бегу к пушке и, несмотря на близорукость, вижу белые платки, полотенца по кустарнику. От нас всего 500 м. Потом постепенно появляются люди в рост, оглядываюсь вдоль наших окопов – вдали над землей неподвижно торчат головы солдат, потом кое-кто встает по пояс. По нейтралке идут с белыми тряпками на палках наш и немец, машут палками над головой. Когда осталось метров 20, оба бросились бежать друг к другу, бросив “флаги”, и обнялись. Описаниям этим не поверил бы, если бы не видел все это сам. А ведь 5 мая немцы били прямой наводкой из 50-ти мм пушек по мостику, который связывал плацдарм с тылом, убив нашего часового.

2 мая ночью мы стреляли из автоматов в воздух – салют в честь взятия Берлина. И вот голос Гапочкина возвестил мне об окончании Великой Отечественной войны.

Через 10–15 минут подошел солдат-пехотинец (огнеметчик): “Немцы пришли, спрашивают, говорит ли кто по-немецки?” Мой немецкий – 3 курса истфака МГУ и школа (т.е. три с минусом). Я сразу решил идти. “Кто хочет со мной?” Две-три секунды на лицах моих артиллеристов замешательство. Потом Левин говорит: “Я пойду”. Вслед за ним Муленков и Карпов сказали: “Давайте и я”. Я побрился, привел себя в порядок, и мы в сопровождении пехотинца-сапера пошли через минное поле, ступая по следу. Вышли в поле, стоят два высоких немца лет по 30–35. Я козырнул и назвалась, они оба четко назвались: обер-лейтенант Отто Фухт и фельдфебель (не помню фамилии). Пожал им руки и представил Левина, Муленкова, Карпова. Левин – красный как рак от смущения и возбуждения, другие спокойны, солидны, наши трое с автоматами, немцы без оружия.

Кое-как поговорили. Я переводил своим. (По записи 8 мая 1945 г.).

Фухт: Что-нибудь хотите сказать?

Я: Нет, ничего, мне передали, что вы ждете.

Фухт: Давно в армии?

Я: Три года, а Вы?

Фухт: С 23 лет, а мне 32.

Я: Мне 24, давно здесь?

Фухт: Три недели, до этого служил на флоте, но базу в Гамбурге разбомбили англичане и меня направили в пехоту. Семья – жена и две дочери, вероятно, погибли в Берлине, писем нет. А Вы откуда?

Я: Из Москвы, а Вы?

Фухт: Берлин – прекрасный, красивый город с 4 млн. населения, но теперь все погибло, все разрушено (я подумал: вот они немцы! Им хоть кол на голове...).

Я: Капитулирует этот фронт или вся Германия?

Фухт: Вся! Война окончена... После паузы.

Я: Значит, сегодня праздник.

Фухт: Не знаю.

Я: А о падении Берлина знаете?

Фухт: Да.

Я: А когда узнали?

Фухт: Вчера, по радио.

(Жалею, что не спросил, почему они обстреливали нас прямой наводкой 50 мм пушкой, тогда погиб часовой на мосту.)

Я: А русские здесь есть? Ваше радио передает... (весь месяц вещались власовские призывы).

Фухт: Нет, русских нет, а пропаганда – это просто запись.

Я: А знаете, где стоят наши пушки?

И о, триумф: он точно показал артбатарею на прямой наводке дивизионного артполка, а наши нет! А нас неделю назад “обследовала комиссия” – два бездельника: арттехник – лейтенант и автотехник – старший лейтенант, “признали” (лучше признать, чем отвечать, если что случится!), что стоим ненадежно, немец нас должен видеть. Комдивизиона майор Ищенко через день меня вызвал (меня, а не командира батареи, личность добрую, мягкую – Коняхина, сапожника по профессии, 4 класса, милый человек, был с нами с ноября до конца, все улыбался, никогда плохого слова!) и велел сменить место одного орудия. Напрасно я доказывал, что позиция отличная, что это не нужно. Тянул я потом несколько дней и – война кончилась!! Так и не сменили.

Теперь я оглянулся: пушек даже со 100 м не видно! Странное чувство: смотреть на свои позиции со стороны немца. Такое я испытал еще раз через 30 лет: когда был в 1975 г. в Круопе, просил свозить на машине туда, откуда нас немцы атаковали и потом медленно вернулся обратно.

Разговор продолжался:

Фухт: А много у вас тут сил? (Я оторопел: ну и фриц! Зачем ему? Вероятно, они обсуждали, турнуть ли нас в последние 3–4 дня войны? На их обстрелы мы молчали, молчали грозно, ибо Берлин уже наш и наши войска встретились с американскими).

Я: Genug, um zu Wacht halten (Достаточно, чтобы вахту держать. И тут же подумал: а может надо было сказать: Um am Wacht zu stehen? – чтобы стоять на вахте).

Фухт кивнул и спросил: А сколько дают вам хлеба? (боится немец, что голодать в плену придется!).

Я: 800 граммов в армии.

Фухт: Так как же будет проходить капитуляция?

Я: Ну, это дело генералов, мы простые люди, солдаты, вам все будет сообщено.

Я: Как Ваша фамилия? Скажите еще раз.

Фухт: Зачем?

Я: Чтоб помнить, ведь это история.

Фухт: А Ваша?

Я: Фрейдзон.

Фухт: Да это что-то скандинавское, у них есть богиня Фрейда!

Я: Возможно. До свидания!

Мы пожали все друг другу руки и отправились к себе!

Я солдатам потом говорил: вот как мы с ним – за ручку, а если б они победили – сапогами бы нас топтали. Левин потом не мог успокоиться: “да ведь я с немецким офицером разговаривал!”. Он едва не прыгал от возбуждения. “Теперь будешь внукам рассказывать”, – сказал я.

В мае 1945 г. через неделю после победы наш дивизион стоял около Лиепай: дом большой, вокруг легкий забор – очень удобно для артдивизиона. Едет мимо колонна немцев с лошадьми и повозками, солдаты кричат со смехом: “Ну, фриц, теперь куда?” Первый немец показал лошади под хвост (значит, понял вопрос!).

9-го мая утром с одним из наших артрзведчиков ходил к немцам. Войск уже не было, у землянок аккуратно смазанное оружие, сложенное в порядке, чистота. По дорогам – изредка из тыла едут солдаты в машинах сдаваться; козыряют.

Набрал несколько нашивок с надписью “Kurland” и оленьей головой (герб Курляндии), да мама чего-то испугалась, выбросила их года через 3–4. Сохранился только консервный нож со свастикой и футляр для очков, найденный в 1944 г. Вот и все трофеи, а ведь это – история! Еще мама выкинула книжку на плотной глянцевой бумаге для допризывников: Гудериан о танковых войсках. Мало текста, множество фотографий: “Тигры”, вокруг них в масках и заливчатых позах солдаты. Вид такой: “все нам ничем!”. Подумалось тогда в 1945 г.: Вряд ли кто теперь в живых!

В 1983 г. я был в ФРГ и не решился попросить, чтобы разыскали Отто Фухта, лет 70 от роду, чтоб вспомнить, поговорить, как сложилась его жизнь. Жалею сейчас страшно. А может еще не поздно?

Фрау Элла, наша гид (с мужем когда-то уехала из СССР, он директор гимназии на пенсии), смущаясь, спросила, не хочу ли я вместе со всеми зайти в ее дом (около г. Ингольштадта), попить сока, посидеть. Я сказал, что зла на немцев теперь нет, да и в войну к пленным – простым солдатам зла не было. Вообще, в России зла к пленным немцам нет и не было, несмотря на все страдания, перенесенные нашим народом.

В Круопье, когда в конце августа 1944 г. выбили немцев, мы захватили на улице машину – кухню, в которой находился ящик с грампластинками. Потом часто крутили на отдыхе. Запомнились две чудесные немецкие песни. Когда в декабре 1945 г. демобилизовывался, попросил пластинку с ними. Раз в год-два ее прокручиваю до сих пор, хотя она стерлась и хрипит. Первые 10 лет, когда слышал эту музыку, не только видел поле боя в Круопье, по которому ходил к огневому с Поляковым, но ощущал запах сгоревших танков и пушек, яблоневых садов и сена. В ФРГ во время поездки в туристическом автобусе шофер включил пленку и среди других я услышал и эти песни! (“Am Strand”, “Heimat, deine Starre”). И я, сам не свой, попросил фрау Эллу записать мне слова, что она и сделала. Это материал для новеллы, если б умел писать.

Летом 1945 г. наш артдивизион стоял в лесу в Литве. В августе мне дали отпуск и я был в Москве. Осенью дивизион получил приказ передислоцироваться на Урал. Весь октябрь мы ехали из Литвы на Урал. Темным холодным вечером на какой-то станции в теплушку, где мы сидели вокруг печки, влез немец – пленный, совсем юный: “Пожалуйста, хлеба”, – попросил он. “Что он хочет”, – спросил лейтенант Никитин. “Хлеба”, – ответил я и полез в вещмешок за черным сухарем. “Из какого ты города?” “Кенигсберг. Jetzt Russland” (теперь Россия). “Сколько лет?” “Полных 17, Danke”.

Поразил меня Минск: город был полностью разрушен, по улицам ходили немцы с ведрами с известкой, краской, малярными кистями. Началось восстановление столицы Белоруссии. Множество вокзалов восстанавливали пленные немцы. Ходили свободно. Но вот – колючей проволокой огорожена стройка, вышки с автоматчиками. Это работают верзилы из СС, вкалывают во всю, без перекуров! Рыжие, грязные, сильные, обросшие.

Южный Урал. Военный округ. Пустыня, снег, снова землянки, тоска. В декабре 1945 г. я с горящей путевкой уехал в санаторий в Кисловодск через Москву. В Москве родители обратились в Главное артиллерийское управление и меня демобилизовали для учебы. Я вернулся на 3-й курс истфака МГУ.